

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

УДК 374.454

О ЗАИМСТВОВАНИЯХ ИНОСТРАННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ*

К.М. Арсланов

Аннотация

Российское гражданское право находится под влиянием иностранного правового опыта. Это обусловливается относительной молодостью современного российского права, которое берёт своё начало в 90-х годах XX в. Закрепление многих иностранных юридических конструкций в российском законодательстве происходило без должной адаптации под российские правовые традиции. В работе исследуются критерии правомерных заимствований из иностранного правового опыта. Делается вывод о необходимости сочетать иностранный правовой опыт с отечественными правовыми традициями XIX и XX вв. для обеспечения самобытности национального права.

Ключевые слова: иностранный правовой опыт, иностранные юридические конструкции, правовое заимствование, влияние иностранного права, восприятие иностранных юридических конструкций, англо-американское корпоративное право, Германское гражданское уложение, Французский гражданский кодекс, траст, доверительное управление, агентирование, рента.

Введение

Российское гражданское право находится накануне своего четвертьвекового юбилея: в 2016 г. ему исполняется 25 лет. 31 мая 1991 г. были приняты Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (Основы 1991), которые стали точкой отсчёта современного, нового российского гражданского права. В то время как большинство развитых западных правовых систем существует не одно столетие, российское право находится на этапе своего становления. За неимением других возможностей быстро приблизиться к состоянию развитых иностранных правовых систем российский законодатель склонен идти по простому пути подражательства, следуя своеобразной правовой моде. В связи с этим обнаруживается неявный отказ от собственных правовых традиций. Такая ситуация привела к постановке в настоящей работе вопроса о заимствованиях иностранных юридических конструкций в российском гражданском праве.

* Основу настоящей статьи составляет текст доклада, который был прочитан 26 января 2015 г. в Казанском университете на пленарном заседании Итоговой научной конференции юридического факультета.

Концепция развития гражданского законодательства 2009 г. признала приоритетным обращение к истории и правовым традициям прошлого [1]. Стремление нашего законодателя искусственно состарить право посредством признания его современным с 1833 г. (год принятия Свода законов Российской империи – СЗРИ) пока успехов не принесло. Мало обозначить начало русского права в XIX столетии, необходимо ещё связать действующее правовое регулирование с прошлым. Р.А. Бевзенко в 2011 г. отметил, что за 20–30 лет мы должны пройти тот путь, который многие иностранные правовые порядки прошли за несколько сотен лет [2]. Но право не искусственная конструкция, способная к мгновенному изменению, а живой организм. В этой связи помогают иностранные юридические конструкции, которые имеют многовековую историю, но использование их должно происходить с учётом самобытности национального правового регулирования.

Понятие юридической конструкции

Любая терминология в научном исследовании должна быть обоснована. К сожалению, в последнее время в российском гражданском праве стала распространяться тенденция «словесной (терминологической) эквилибристики», когда говорится много и непонятно. Порою имеет место противопоставление терминов *дефиниция* и *определение*, *предмет* и *объект* и т. п., что зачастую не несёт никакого юридического значения. Название настоящей статьи охватывает термины, которые уже прочно вошли в юридический оборот, но всё-таки требуют объяснения: *юридическая конструкция*, *иностранная юридическая конструкция*, *заимствование юридических конструкций*. Если, например, понятия *нравственность*, *справедливость*, *основы правового порядка*, *добросовестность* нашли своё закрепление в законе (более 100 упоминаний в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ)) и имеют чёткое определение, то другие термины (*юридическая конструкция*, *правовая модель*, *правовой образ*, *правовой институт* и др.) в законе не упоминаются, поэтому в ближайшее время вряд ли удастся добиться их однозначного понимания и объяснения.

Использование термина *юридическая конструкция* в науке гражданского права достаточно распространено. В этой связи можно упомянуть работы В.А. Болдырева [3], Д.В. Мурзина [4], В.В. Переверзева [5], В.В. Чевычелова [6] и др. Особо следует отметить работу М.Ю. Чельшева «О юридических конструкциях в проекте изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации» [7], в которой автор под юридическими конструкциями понимает «конкретный способ закрепления в гражданском законодательстве разного рода правовых инструментов»; причём, по его мнению, «...для всякой юридической конструкции характерен свой терминологический аппарат...» [7, с. 33]. Среди составных элементов юридической конструкции М.Ю. Чельшев усматривает «нормативное закрепление при помощи специального терминологического аппарата: определения конкретного правового инструмента, классификации его разновидностей, элементного строения инструмента, механизмов его функционирования, в том числе юридических процедур и иных юридических конструкций, а также способов разрешения возможных коллизионных вопросов» [7, с. 35]. В.В. Чевычелов в юридической конструкции видит «средство правотворческой

техники, заключающееся в моделировании, определённом логическом построении нормативного материала, одновременно выступающее методом познания и толкования норм права» [6, с. 7–8]. Исследователь выделяет «конструкции права», «конструкции отрасли права», «конструкции правового института», «конструкции нормы права», «конструкции правосознания».

Основу современной терминологической юридической систематики заложили германские юристы¹. Понятие *юридическая конструкция* было детально разработано Р. фон Иерингом [8]. Интересен тот факт, что сам Р. фон Иеринг не писал отдельного произведения о юридической технике. В его работе «Дух римского права на различных ступенях его развития» [9] данному вопросу посвящён один раздел, название которого Ф.С. Шендорф перевёл на русский язык как «Юридическая техника». Это, однако, не всегда учитывается современными исследователями.

Мы используем категорию *юридическая конструкция* для характеристики правовых институтов, категорий, описывающих те или иные правовые явления. Юридическая конструкция есть наполнение термина конкретным содержанием в соответствии с принятыми правовыми подходами, юридическими нормами, правовым опытом. Юридическая конструкция есть сам термин, а также его наполняемость определённым содержанием. Конструкции могут быть договорными, институциональными, в виде определённых моделей и инструментов.

Необходимо сопоставить юридическую конструкцию с категорией модели. Среди функций правовой модели А.С. Безруков выделяет: программирующую, описательную, демонстрационную, преобразовательную, критериальную, организационно-проективную [10]. В отношении конкретных явлений следует говорить о конструкциях, в то время как модель есть родовое понятие для конструкции, нормы права. Если модель – это абстрактность, идеальность (идеальная форма внешнего выражения), то конструкция – казуистичность (детальность, частность). А.Ф. Черданцев в юридической конструкции видит инструмент, средство познания правовых явлений, идеальную модель, «отражающую сложное структурное строение урегулированных правом общественных отношений, юридических фактов или их элементов» [11, с. 12].

Иностранный правовой опыт в российском гражданском праве: история вопроса

Кроме понятия *заимствование* можно использовать термины *влияние*, *воздействие*, *взаимодействие* (*конвергенция*) правового опыта. Заимствование, скорее, обозначает механический перенос чужой терминологии, а также юридических конструкций, с ней связанных. Последнее как искусственное явление особенно опасно.

В Концепции развития гражданского законодательства 2009 г. приоритетное место принадлежит иностранному правовому опыту, иностранным юридическим конструкциям, которые упоминаются намного чаще, чем отечественная история

¹ Германское право отличает исключительная понятийная точность, каждый термин имеет специальное значение, что создаёт сложности при переводе на русский язык. Так, например, понятие *Anspruch* (правопритязание; иногда переводят как «требование») следует чётко отличать от категории *Forderung* (требование). Предоставленное разрешение на совершение действия в представительских отношениях имеет разные обозначения в зависимости от того, идёт ли речь о предварительном разрешении (*Einwilligung*) или о последующем разрешении (*Genehmigung*).

права, римское право, потребности практики, наука и юридическая литература вместе взятые [12]. Авторы Концепции 2009 г. сделали особый акцент на необходимости учёта правового опыта близких к российскому праву правовых систем: французского и германского права.

Российское право в последние десятилетия развивается под сильным влиянием иностранного правового опыта. Профессор Кристофер Осаке в одном из своих выступлений на форуме², посвящённом памяти Д.И. Мейера, привёл интересный результат исследований «корней» российского гражданского кодекса (“genetic image of CCR”). Он сделал вывод, что российский кодекс на 80% является немецким, на 13% – французским, на 1% – швейцарским и датским (по 0.5% соответственно), на 3% – советским, на 2% – англо-американским. Иными словами, он ближе к Германскому гражданскому уложению (ГГУ), чем к Французскому гражданскому кодексу (ФГК), но при этом его нельзя считать полностью входящим в германскую подгруппу. Подтвердить или опровергнуть данный подсчёт трудно, поскольку необходимо учитывать материалы подготовительных законодательных комиссий и мнение непосредственных разработчиков закона. Но для нас важным является тот факт, что представитель англо-американской правовой семьи отметил невысокое влияние англо-американского права на российскую гражданскую кодификацию.

Существенный вклад в понимание взаимосвязи современной российской кодификации с иностранным правовым опытом внёс А.Л. Маковский [13]. В 1957–1964 гг. он участвовал в подготовке ГК РСФСР 1964 г., в 1989–1991 гг. – в подготовке Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, а в 1993–2000 гг. руководил рабочей группой по подготовке нового Гражданского кодекса РФ. Как он отмечает, «существует обоснованное мнение, что в основе гражданских кодексов России (до действующего их было принято три – в 1922-м, в 1964-м и в 1991 годах) лежат более поздние европейские кодексы конца XIX – начала XX века: германские BGB, HGB, швейцарский Code Civil» [13, с. 138]. А.Л. Маковский полагает, что именно Французский гражданский кодекс оказал мощное воздействие не только на разработку СЗРИ, но и на реформы российского гражданского законодательства конца XIX – начала XX столетий: «...Для составления первого советского гражданского кодекса – ГК РСФСР 1922 года – был очень широко, но без лишней огласки использован текст дореволюционного проекта Гражданского уложения. Впоследствии, когда создавался уже Гражданский кодекс 1964 года, то примерно 3/5 норм, содержащихся в первом ГК... были использованы (полностью или в переработанном виде) в новом ГК» [13, с. 146].

Влиянию иностранного правового опыта на развитие российского права посвящены исследования дореволюционных учёных. Так, И.А. Покровский в 1917 г. сделал аргументированный вывод о наличии взаимодействия российского и немецкого права при основополагающем влиянии последнего [14, с. 25]. По мнению исследователя, существенным фактором влияния, начало которому было положено в XIX столетии, стало римское право. Подобное мнение о взаимосвязи российского и германского права сохранилось и по настоящее время [15, 16].

² Международный конгресс «Право, культура, образование: интеграция и социальные вызовы» (г. Москва, Международный юридический институт, 28–30 марта 2012 г.)

Юридические конструкции иностранного права в российском гражданском праве: примеры позитивного и негативного заимствования

Обратимся к примерам из ГК РФ, которые, на наш взгляд, наглядно демонстрируют влияние иностранного правового опыта на развитие российского гражданского законодательства, хотя чёткое подтверждение того со стороны непосредственных разработчиков закона отсутствует. В этом плане мы будем опираться на подготовительные материалы законодательных комиссий, которые в России, в отличие от иных стран, остаются невостребованными при толковании правовых норм.

Существует предположение, что многие институты современного российского гражданского права, закреплённые в ГК РФ, сформировались под воздействием французского права. Один из них – институт секвестра (ст. 926 ГК РФ: хранение вещей, являющихся предметом спора (секвестр)). Указанная статья соотносится с разделом XI книги 3 ФГК: о хранении и о секвестре. Считаем логичным расположение норм о секвестре вместе с нормами о хранении. Обоснованной при этом видится позиция французского законодателя, который выделил секвестр в отдельную главу, предусмотрев договорный и судебный секвестр (ст. 1955–1963 ФГК).

Весьма противоречивой представляется такая юридическая конструкция, как договор ренты, закреплённая в главе 33 ГК РФ (ст. 583–605). Этот институт является новым, хотя и существует уже порядка 20 лет. История развития российского права вряд ли даст объяснение современной редакции указанных статей. Практика показывает, что договор ренты сегодня используется исключительно в той его части, согласно которой под выплату ренты передаётся недвижимое имущество (третья часть всего объёма нормативного регулирования рентных отношений в ГК РФ).

Вопросы вызывает расширение российским законодателем рамок договора ренты в пользу некоммерческой организации (постоянная рента, ст. 589 ГК РФ). Данный институт был упомянут ещё в ГК РСФСР 1964 г. (ст. 253: купля-продажа жилого дома с условием пожизненного содержания продавца). Сейчас, в отличие от ранее действовавшего законодательства, под выплату ренты может быть передано не только недвижимое имущество, но и любое иное имущество и деньги (см. п. 2 ст. 587 ГК РФ). Дореволюционное российское право содержало подобное положение, в основе которого находились статьи ФГК (раздел XII книги 3: Об алеаторных договорах – игры, пари; пожизненная рента (ст. 1968–1983)). Описание дореволюционного договора ренты представлено в работах К.П. Победоносцева [17, с. 339–343].

Следует помнить, что рента возникла в те времена, когда трудового права как такового ещё не было. Возникновение современного трудового права можно связывать с концом XIX – началом XX столетия, с периодом активного развития промышленного производства (Л.С. Таль [18], В.Б. Ельяшевич [19]). До появления в современном западноевропейском праве законодательства о социальном обеспечении и пенсионного законодательства рента традиционно воспринималась

в качестве своеобразной «гражданско-правовой пенсии»³. Но даже если допустить использование конструкции договора ренты, когда по нему под последующую выплату передаются денежные средства, возникает вопрос: каков размер этой суммы? Передача недвижимости не вызывает вопросов относительно ценности, поскольку квартира или жилой дом сами по себе представляют ценность, многим недоступную; но размер передаваемых под выплату денежных средств должен быть определён.

Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к первоисточникам, к мнению разработчиков. Мы можем лишь предположить с большой долей уверенности, что в основе главы 33 ГК РФ находятся положения французского законодательства, которое достаточно подробно регулирует отношения в связи с выплатой ренты под денежные средства [20, с. 254]. Имущество, передаваемое под выплату ренты, по своей ценности должно быть соотносимо с объёмом ожидаемых в будущем рентных выплат. Статья 1968 ФГК гласит, что пожизненная рента может быть установлена на возмездной основе – за сумму денег, за движимую вещь, которая может быть оценена, или за недвижимое имущество. Подчеркнём, что рента как форма взаимоотношений возникла в то время, когда церковь запрещала процентные займы, и стороны заёмных обязательств прибегали к различным уловкам с целью скрыть свои истинные намерения [20, с. 254]. Но следовало ли в такой форме вводить договор ренты в современное российское гражданское законодательство?

Другим примером использования российским законодателем юридических конструкций французского права может послужить определение недвижимого и движимого имущества (ст. 130 ГК РФ). Детальная проработка вопросов недвижимости в российском праве опирается на французское право (ст. 517–534 ФГК: деление имущества на движимое и недвижимое «по их природе», «в силу их назначения», «вследствие предмета, принадлежность которого они составляют»).

Немаловажную роль в развитии российского законодательства играет и германское право. Ярким примером может служить формирование института юридического лица в российском праве (хотя в настоящее время здесь существенным является воздействие со стороны англо-американского права) [21]. Значительное влияние оказал Закон Германии об обществе с ограниченной ответственностью от 20 апреля 1892 г. на возникновение соответствующего института в российском праве. Сложная структура дееспособности физического лица с разделением несовершеннолетних лиц на возрастные категории (ст. 26, 28 ГК РФ) в зависимости от развития дееспособности берёт своё начало в германском праве. Институты сделки, волеизъявления, договора, представительства, вещного права (с учётом готовящихся российским законодателем реформ в этой области) выявляют сходства российского и германского права.

Если в начале 90-х годов российское право развивалось в рамках европейских традиций корпоративного права, то в середине 90-х годов наметилась тенденция развития в сторону англо-американского правового опыта. Подобное направление уже критикуется российскими правоведами, в том числе Е.А. Сухановым

³ Изначальное понимание ренты прекрасно изложил Сомерсет Моэм (1874–1965) в произведении «Вкусивший нирваны».

(ответственным за разработку раздела новой редакции ГК о корпоративном праве) [22]. Разработчик ГК о юридических лицах Г.Е. Авилов (см. [22, с. 125]) подчёркивал странность воздействия англо-американского права, которое не проводит чётких различий между акциями и долями (обозначая всё термином *shares*), а предпринимательскими корпорациями (*business corporation*) традиционно признаёт только компании с ограниченной ответственностью (*limited company by shares*). Незнание этих обстоятельств способствовало распространению в России в 90-х годах абсурдного по сути перевода термина *shares* как *акции*, а *corporation* как *акционерное общество* (и, соответственно, *closed corporation* как *закрытое акционерное общество*). В результате наряду с ООО стали существовать ЗАО, которые часто и не выпускали никаких акций. Существенными отличиями между ними были возможность свободного выхода участника ООО с выплатой им его доли, а также существование учредительного договора и устава. Но в ходе проведённых реформ эти отличия были устранены.

Американское законодательство отличает отказ от использования уставного капитала (минимальных требований к его размеру), что привело к принятию так называемой Второй Европейской директивы 1976 г., имеющей цель согласовать требования к минимальному уставному капиталу в европейских континентальных правовых порядках и в праве Великобритании и Ирландии при присоединении последних к Европейскому экономическому сообществу в 1973 г. Данное положение нашло отражение в российском праве относительно хозяйственных обществ.

Воздействие англо-американского права на российское ярко проявляется в институте агентирования (ст. 1005–1011 ГК РФ). Трудно обосновать необходимость для российского законодательства этого распространённого в англо-американском праве института. Кроме того, к агентским отношениям применимы нормы о комиссии или поручении в зависимости от того, от чьего имени действует агент (ст. 1011 ГК РФ). С учётом предмета договора агентирования («юридические и иные действия», то есть юридические и фактические действия) вполне закономерен вывод о возможности замены норм об агентировании нормами о комиссии, поручении, возмездном оказании услуг, совершении фактических действий в рамках применения п. 2 и 3 ст. 421 ГК РФ о свободе договора и допустимости заключения смешанного договора.

Следует упомянуть историю становления института доверительного управления имуществом (ст. 1012–1026 ГК РФ) с его изначальным тяготением к институту траста англо-американского права (см. Указ Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2296 «О доверительной собственности (трасте)»). Следствием этой истории является закрепление в п. 4 ст. 209 ГК РФ нормы, согласно которой собственник имеет право передать своё имущество в доверительное управление другому лицу (доверительному управляющему). Однако такая передача не влечёт перехода права собственности к доверительному управляющему, как это предполагает институт доверительной собственности (трасте).

Основные правила восприятия юридических конструкций

Заимствование юридических конструкций должно быть заменено восприятием правового опыта, правовой идеи. Можно и нужно, например, воспринять

опыт иностранного права при подготовке нормативных актов. Особую роль в этом играет знание так называемых подготовительных материалов к нормативным актам. При этом следует согласиться с критикой использования таких материалов безотносительно к современному развитию (Е.А. Суханов), поскольку понимание многих положений меняется с течением времени.

Не умаляя значения иностранного правового опыта, всё же полагаем, что российскому праву необходимо развиваться в рамках своих исторических традиций. Этому нас учат наши предшественники – юристы XIX столетия (Г.И. Солнцев, Д.И. Мейер, С.В. Пахман, Г.Ф. Дормидонтов, Г.Ф. Шершеневич и др.). Российские ученые XIX в., будучи прекрасными знатоками иностранного права, в большинстве своём критически относились к механическому восприятию иностранного правового опыта, хотя и испытывали на себе его влияние. Д.И. Мейер, автор известнейшего труда по гражданскому праву, являлся классическим представителем, учеником германской исторической школы права. Это наложило отпечаток на структуру его курса по гражданскому праву, который был подвергнут критике. Так, Г.Ф. Шершеневич полагал, что в работе Мейера из-за влияния иностранного правового опыта не нашли места «оригинальности русского юридического быта», а также присутствовало упрощённое распространение иностранных теорий [23, с. 16–17]. Нельзя согласиться с тем, что Д.И. Мейер написал учебник русского гражданского права с позиции германского права, однако влияние последнего очевидно.

Как отмечают В.П. Мозолин и А.Н. Беседин, наука российского гражданского права зародилась намного позже по сравнению со странами Западной Европы: «Не имевшая традиций, отечественная цивилистика длительное время вынуждена была заимствовать научные достижения западноевропейских стран, развиваться ускоренными темпами» [24, с. 56]. Это во многом предопределило то, что российские научные исследования в XIX столетии часто базировались на иностранном законодательстве и теории. Период после 1917 г. и вплоть до 90-х годов характеризовался достаточно осторожным, если не отрицательным отношением к иностранному («буржуазному») правовому опыту. Правда, здесь имели место редкие исключения [25]. ГК РФ 1994–2006 гг. стал отражением ситуации в российском праве и обществе, в котором твёрдо укоренилась мысль о необходимости забыть старое советское прошлое (включая позитивные элементы) и обратиться к богатому иностранному опыту правового регулирования.

Заключение

Наше действующее российское право берёт своё начало в XIX столетии. Данный период характеризуется тесной связью российского права с западноевропейскими кодификациями: ФГК 1804 г. и ГГУ 1896 г. Эта связь не была потеряна и в первые десятилетия существования советского права. Возвращение «к истокам» предполагает её возобновление. Но также важно помнить, что наряду с иностранным правовым опытом необходим учёт научных теорий XIX в., российских правовых традиций последних десятилетий, потребностей современной практики.

Российский законодатель в своей реформе гражданского законодательства должен следовать не самим конструкциям и моделям иностранного права,

а многовековому правовому опыту, наработанному ведущими правовыми порядками Западной Европы, и прежде всего опыту французского и германского права, поскольку с ними существует историческая связь. При этом не следует отвергать и опыт англо-американского права, так как он позволяет упорядочить существующие правовые институты и привести их в соответствие с общемировыми тенденциями в развитии права. Любой учёт иностранного правового опыта должен быть согласован с правовыми основами российского гражданского права, его отдельных институтов и направлен на удовлетворение потребностей современного правового регулирования. В этом будет состоять сочетание национальной правовой традиции и современного рационализма.

Summary

K.M. Arslanov. Concerning Borrowings of Foreign Legal Constructions in Russian Civil Law.

Modern Russian civil law is being influenced by the foreign legal experience. This is because of the relative youth of modern Russian law, which has its roots in the early 1990s. Numerous foreign legal constructions were fixed in Russian legislation without due adaptation to the legal traditions of Russia. The paper considers criteria for the appropriateness of borrowings from the foreign legal experience. The conclusion is made about the necessity to use the foreign legal experience in accordance with the Russian legal traditions established in the 19th–20th centuries in order to preserve the originality of national law.

Keywords: foreign legal experience, foreign legal constructions, legal borrowing, influence of foreign law, perception of foreign legal constructions, Anglo-American corporate law, German Civil Code, French Civil Code, trust, trust managing, agency service, rent.

Источники

- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 1, часть 2, часть 3, часть 4 с изм. и доп. // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 1996. – № 5. – Ст. 410; 2001. – № 49. – Ст. 4552; 2006. – № 52 (ч. I). – Ст. 5496.
- ГК РСФСР 1964 г. – Гражданский кодекс РСФСР // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 71. – Ст. 904.
- Указ Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1994. – № 1. – Ст. 6.
- ГГУ – Bürgerliches Gesetzbuch vom 18. August 1896 // Reichsgesetzblatt. – 1896. – Teil I. – S. 195–603.
- ФГК – Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) = Code civil des Français (Code Napoléon) / Пер. с фр. В.Н. Захватаева. – М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2012. – 624 с.
- Закон об обществах с ограниченной ответственностью от 20 апр. 1892 г. – Gesetz über Gesellschaften mit beschränkter Haftung // Reichsgesetzblatt. – 1892. – S. 477.
- Вторая Европейская директива 1976 г. – Вторая директива Совета Европейских Сообществ 77/91/ЕЭС от 13 дек. 1976 г. «О координации гарантий, которые требуются в государствах-членах от хозяйственных обществ в значении второго абзаца статьи 58 Договора для защиты интересов их участников и третьих лиц, с целью сделать эти гарантии эквивалентными применительно к учреждению акционерных обществ, а также поддержанию и изменениям их капитала» // СПС «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/2563784/>

- Концепция 2009 г. – Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2008. – № 29 (ч. I). – Ст. 3482.
- Основы 1991 г. – Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.
- СЗРИ – Свод законов Российской Империи. – URL: <http://civil.consultant.ru/code/>, свободный.

Литература

1. Концепции развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. – М.: Эксмо, 2010. – 732 с.
2. Комментарий к статье: *Чернышов Г.* Беспрецедентная скорость появления прецедентов. – URL: http://zakon.ru/blogs/besprecedentnaya_skorost_poyavleniya_precedentov/982, свободный.
3. *Болдырев В.А.* Гражданско-правовая конструкция юридического лица несобственника: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 43 с.
4. *Мурзин Д.В.* Ценные бумаги как юридические конструкции гражданского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 23 с.
5. *Переверзев В.В.* Юридические конструкции в процессуальном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 23 с.
6. *Чевычелов В.В.* Юридическая конструкция: Проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005. – 24 с.
7. *Чельшев М.Ю.* О юридических конструкциях в проекте изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации // Гражданское право. – 2013. – № 1. – С. 33–35.
8. *Иеринг Р. фон.* Юридическая техника / Пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. – СПб.: Типо-литогр. А.Г. Розена, 1905. – 106 с.
9. *Jhering R. von.* Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. – Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1858. – Teil 2, Bd. 2. – 695 S.
10. *Безруков А.С.* Правовая модель как инструмент юридической науки и практики. Дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008. – 151 с.
11. *Черданцев А.Ф.* Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 12–19.
12. *Арсланов К.М.* К вопросу о месте российского гражданского права в классификации правовых систем мира // Казан. наука. – 2012. – № 2. – С. 194–197.
13. *Маковский А.Л.* Code Civil Франции и кодификация гражданского права в России (связи в прошлом, проблемы влияния и совершенствования) // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда РФ. – 2005. – № 2. – С. 137–148.
14. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. – Петроград: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1917. – 328 с.
15. Методология сравнительного правоведения: Материалы конф. (М., 5 дек. 2011 г.) / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: ИЗиСП, 2012. – 168 с.
16. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы: в 2 т. / Под ред. В.И. Лафитского. – М.: ИЗиСП: Контракт, 2012. – Т. 1: Правовые системы Восточной Европы. – 528 с.

17. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права: в 3 ч. – М.: Статут, 2003. – Ч. 3: Договоры и обязательства. – 622 с.
18. *Таль Л.С.* Трудовой договор. Цивилистическое исследование. – Ярославль: Тип. Губерн. правления, 1913. – Ч. 1: Общие учения. – XII, 422 с.; 1918. – Ч. 2: Внутренний правопорядок хозяйственных предприятий. – VII, 188 с.
19. *Ельяшевич В.Б.* Новое движение в области договора о труде // Право. – 1907. – № 3. – С. 172–179.
20. *Морандьер Л.Ж. де ла.* Гражданское право Франции / Пер. с фр. – М.: Иностр. лит., 1960. – Т. 1. – 742 с.
21. *Арсланов К.М.* Правовой опыт Германии в области корпоративного права и его значение для развития российского права // Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» / Под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. – М.: Юрист, 2014. – С. 40–44.
22. *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. – 456 с.
23. *Шершеневич Г.Ф.* История кодификации гражданского права в России // Учен. зап. Имп. Казан. ун-та. – 1899. – Кн. III. – С. 1–30.
24. *Мозолин В.П., Беседин А.Н.* История цивилистической мысли в России // История юридических наук в России: Сб. ст. / Под ред. О.Е. Кутафина. – М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2009. – С. 56–100.
25. *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность / Отв. ред. В.К. Райхер. – М.; Л.: АН СССР, 1948. – 840 с.

Поступила в редакцию
29.05.15

Арсланов Камиль Маратович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: arslanov-ksu@mail.ru